

А. З. Бейсенов, Г. А. Базарбаева

ИСКУССТВО ДРЕВНИХ КОЧЕВНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА: ОБРАЗЫ, СЮЖЕТЫ, КОМПОЗИЦИИ*

A. Z. Beisenov, G. A. Bazarbayeva

THE ART OF THE ANCIENT NOMADS OF CENTRAL KAZAKHSTAN: IMAGES, PLOTS, COMPOSITIONS

В статье анализируются изобразительные памятники Центрального Казахстана, представленные предметами мелкой пластики и полученные за многолетнюю историю археологического изучения региона. Импульсом к проведению данного исследования послужили новые находки в элитных курганах Сарыарки — Талды-2, Шерубай, Карашоки, аналогии которым обнаруживаются в ряде синхронных комплексов Казахстана и Центральной Азии — Жалаулы, Шиликты, Тагискен, Кичигино I, Аржан-2. Изучение предметов художественной культуры позволяет выявить излюбленные анималистические образы древних кочевников региона, исследовать стилистические приемы, анализировать принципы построения композиций и техники изготовления ювелирных изделий, а также наметить векторы связей, имевших место в среде кочевников I тыс. до н. э.

Ключевые слова: *Центральный Казахстан, звериный стиль, тасмолинская культура, образ, композиция.*

Graphic monuments of the Central Kazakhstan presented by the subjects of small plasticity and received during long-term history of archaeological studying of the region are analyzed in the article. The reasons for carrying out this research were new findings in the elite barrows of Saryarka: Taldy-2, Sherubay, Karashoky, analogies to which are found in a number of synchronous complexes of Kazakhstan and Central Asia — Zhalauly, Shilikty, Tagisken, Kichigino, Arzhan-2. Studying the subjects of art culture allows to reveal favorite animalistic images of the ancient nomads in the region, gives an opportunity to research the stylistic techniques, analyze the principles of composition creations, techniques of making jewelry, and also to plan vectors of the communications which took place among nomads in 1 millennium BC. Nowadays the developments on studying of the ancient art are reliable sources in questions of defining the dates, problems of culture interaction as in previous time, archaeologists' views were traditionally based on the analysis of data of the funeral ceremony, subjects of horse equipage and features of monuments constructions.

Keywords: *Central Kazakhstan, animal style, Tasmola culture, image, composition.*

За многолетнюю историю археологического изучения Центрального Казахстана, исчисляемую уже не одну сотню лет, получены данные, позволяющие охарактеризовать облик художественной культуры этого региона эпохи раннего железного века¹. Систематические исследования памятников изучаемой эпохи в регионе были начаты Центрально-Казахстанской экспедицией Института археологии под руководством А. Х. Маргулана, в составе которой работал отряд М. К. Кадырбаева. Благодаря деятельности этой экспедиции, были получены принципиально новые данные,

* Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан, проект № 0332 ГФ «Истоки степной цивилизации: комплексные исследования памятников эпох камня, бронзы и раннего железного века».

характеризующие облик материальной и духовной культуры населения, обитавшего в эпоху раннего железного века в данном регионе. Планомерные исследования на указанной территории привели к открытию тасмолинской культуры, источниковая база которой расширилась в последние десятилетия XX века и пополняется в настоящее время благодаря усилиям Сарыаркинской археологической экспедиции Института археологии им. А. Х. Маргулана под руководством А. З. Бейсенова² и деятельности Сарыаркинского археологического института при Карагандинском госуниверситете им. академика Е. Букетова³.

Традиционно мощную поддержку в деле изучения памятников эпохи раннего железного века Сарыарки оказывают власти Карагандинской области в лице Областного управления культуры и Инспек-

ции по охране памятников историко-культурного наследия, в частности. В настоящей работе мы попытаемся проанализировать предметы мелкой пластики, происходящие из археологических памятников Сарыарки I тыс. до н. э. и декорированные изображениями зверей, на предмет изучения образа, сюжета и приемов построения композиций.

На данный момент источниковедческая база предметов с декором из Центрального Казахстана насчитывает 61 единицу. Под этим значением подразумеваются опубликованные находки. Из серии одинаковых предметов одного комплекса учитывался только 1 экземпляр. Предметы, имеющие зооморфный декор, составляют более половины находок, что равно 37 экз. Изображения зверей присутствуют на элементах костюма, представленных поясными пряжками и обоймами, предметах вооружения — чекане, ножах, элементах конского снаряжения — на навершиях и бляхах, предметах туалета, к числу которых отнесено два зеркала⁴.

Бестиарий древних кочевников Центрального Казахстана представлен следующими звериными образами: травоядными, к числу которых отнесены — лошадь, архар, таутеке, верблюд, антилопа (сайга), лось, олень; хищниками — волк (?), кошачий хищник; всеядными — кабан. Кроме того, среди изображений животных присутствуют такие, чью видовую принадлежность сложно определить.

Материал, в котором нашли воплощение звериные образы в памятниках Сарыарки, представлен, в основном, металлическими поверхностями — бронза, золото, фольга; в нескольких случаях — рог, кость. Техника выполнения изображений в большинстве случаев — литье, также имеет место художественная резьба по рогу и кости, прочерчивание, тиснение, штамповка, а также — вырезывание из фольги/листа и др.

На поверхностях предметов зооморфный декор представлен различно — это целые фигуры животных, протомы, отдельные изображения головы или копыта. Так, целые изображения представлены в 35 случаях, изображения головы встречены 30 раз, протомы — 6 случаев и изображение копыта зафиксировано 3 раза.

Изображения зверей представлены как одиночными образами, так и организованными в композиции из целых фигур и изображений голов. Находки с изображением двух животных в материалах тасмолинской культуры немногочисленны и ограничиваются пока двумя изделиями. Предметы с изображением трех животных, несмотря на немногочисленность, представлены яркими экземплярами из Жыланды, курган 1 и Талды-2, курганы 2 и 5. Изделия, декорированные изображением четырех зверей, также имеют место в изобразительных памятниках Сарыарки — это находки из Талды-2 и Акбеита и случайная находка из Павлодарского Прииртышья. Пять животных присутствуют в декоре накладки из Нурманбета. Предметов с изображением шести зверей в материалах Тасмолы пока нет, а вот на фрагменте одной бляхи, найденной в Нуркене, сохранился эпизод сюжета с семью персонажами. Восемь зверей мы наблюдаем в материалах Талды-2 в декоре ворворки (рис. 1, 7). Девять животных пред-

ставлены в декоре бляшки из Тасмолы 5, ставшей уже хрестоматийной и являющей собой уникальное произведение древнего искусства (рис. 1, 8).

Таким образом, художественная культура древней Сарыарки представлена яркими изображениями животных, запечатленных на поверхностях различных предметов целыми фигурами или лишь частями. Присутствие трех и более персонажей в декоре, пожалуй, можно назвать многофигурными композициями. Приведем несколько примеров, характеризующих как одиночные образы, так и изображения зверей в составе композиций.

Одиночные образы представлены целыми фигурами, отдельными изображениями в виде протомы или головы, например, скульптурное изображение архара на чекане (рис. 1, 1) (случайная находка у оз. Боровое)⁵, скульптурные изображения таутеке в декоре элементов конского снаряжения (Тасмола V, курган 2)⁶, или, например, изображение кабана на пронизи (Нурманбет II, курган 3)⁷. Последняя находка интересна еще и тем, что сначала возникает впечатление, что образ животного представлен в виде головы, но при внимательном рассмотрении обнаруживается, что древним художником на ограниченной по размеру поверхности мастерски вписано целое изображение животного. К числу одиночных изображений также можно отнести бляшки, выполненные в виде стоящего и свернувшегося в кольцо кошачьего хищника, скульптурку кабана на зеркале.

Кроме отмеченных выше скульптурных изображений, обратим внимание на серию предметов, выполненных в виде кошачьих хищников и происходящих из курганов 3, 4 и 6 могильника Тасмола 5⁸. По описанию М.К. Кадырбаева, этими изделиями декорировались элементы одежды и конское снаряжение, в частности, один из предметов служил украшением налобного ремня⁹. Анализируемые изделия, очевидно, выполнены комбинированной техникой, сочетающей барельеф и скульптуру, что выделяет эти находки из всей коллекции предметов тасмолинской культуры. Обращает на себя внимание стиль изображения. Создает впечатление, что эти образы создавались мастером, знавшим об этих животных либо понаслышке, либо это неумелое воспроизведение создаваемого объекта. В пользу чего свидетельствует то, что изображения выполнены достаточно грубо, акцент сделан на массивной голове, неумело передана поза зверя, почти схематично проработаны когтистые лапы хищника. Грациозный, сильный, пластичный в природе зверь оказался воплощенным в металле совершенно иного плана — он грузен, неповоротлив, статичен. Небрежность, схематизм, отсутствие лаконизма в передаче содержательных признаков зверя выделяет эти предметы на фоне изображений, выполненных в традициях скифо-сибирского звериного стиля. На сегодняшний день аналогичные изображения зафиксированы в материалах еще трех памятников — это могильник Тагискен, курган № 53¹⁰, Кичигино I, курган 5¹¹ (рис. 2, 3), а также определенное сходство обнаруживается с находками из погребений 2 и 4 в кургане 4 Филипповского I могильника¹² (рис. 2, 1). Если между изображениями кошачьих хищников из Тасмолы, Тагискена и Кичигино (рис. 2, 3) улавлива-

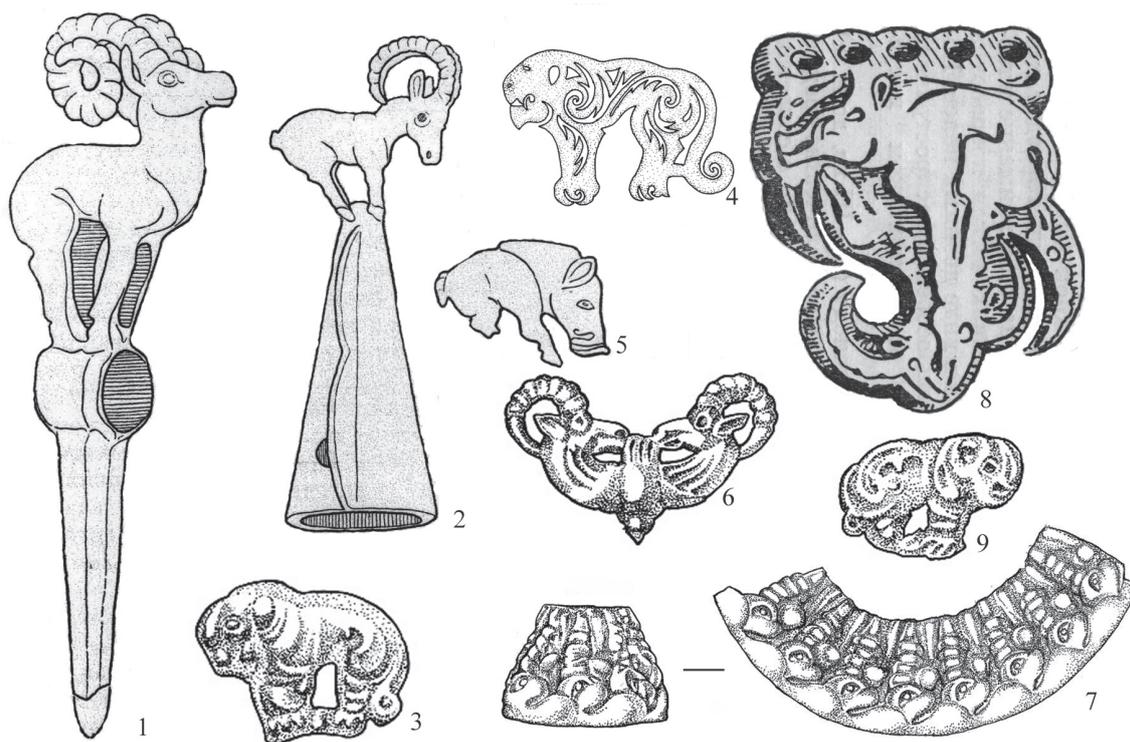

Рис. 1. Звериный стиль Сарыарки. 1 — изображение архара на чекане, случайная находка в районе оз. Боровое (по: Грязнов М. П., 1956, рис. 4, 1); 2 — изображение таутеке на навершии, случайная находка близ Каркаралинска (по: Грязнов М. П., 1956, рис. 4, 5); 3, 9 — изображения кошачьих хищников, Талды-2, курган 5; 4 — изображение кошачьего хищника, Карашоки, курган 1; 5 — изображение кабана, случайная находка близ Каркаралинска (по: Грязнов М. П., 1956, рис. 4, 6); 6 — изображение геральдической композиции из протом таутеке и птицы с распростертыми крыльями, Талды-2, курган 2; 7 — изображения сайгаков на ворворке, Талды-2, курган 5; 8 — многофигурная композиция, Тасмола 5, курган 3 (по: Кадырбаев М. К., 1966, с. 397, рис. 62)

ется однозначное сходство, то в отношении находок из Филипповки (рис. 2, 1) следует оговориться, что сходство с последними обнаруживается в подаче образа — та же поза, грузность и неподвижность зверя, массивная голова. Если же сравнивать детали, то в случае с животным из Филипповки следует признать, что такие содержательные элементы, как фактура окраса, складки на морде, когтистые лапы, переданы достаточно четко. Кроме того, изображения из Филипповки отличает присутствие на крупе знака в виде капли, обрамленное шариками зерни. Отметим, что аналогичными знаками декорирована поверхность ворворок в коллекции предметов из кургана 5 Талды-2¹³ (рис. 2, 2).

Что касается использования комбинированной техники, сочетающей барельеф и скульптуру, идея, использования которой, вероятно прослеживается в примере создания изображения кошачьего на вышеописанных бляхах, заметим, что такая образительная традиция была популярной в более позднее время. Например, элементы конского снаряжения из курганов с мерзлотой Алтая, в том числе декор блях, украшавших ремни суголовные, наносные, нагрудные. Определенное сходство используемой техники прослеживается при сравнении с бронзовой уздечной подвеской из погребения 1 кургана 15 Филипповского I могильника¹⁴, с изображением грифона на медной гривне из Второго Пазырыцкого кургана¹⁵, на золотой эгретке из Амударьинского клада¹⁶, на золотой гривне с

изображениями баранов из Сибирской коллекции¹⁷. Аналогичная техника изготовления предметов зафиксирована в материалах Второго Пазырыцкого кургана — изображение кошачьего хищника, также в Первом Пазырыцком кургане — на бляхе, выполненной в виде оленя. Кроме того, обращает на себя внимание элемент конского снаряжения из Первого Туэктинского кургана¹⁸, представленный в виде геральдической композиции, в которой центральным доминирующим элементом выступает голова кошачьего хищника, рассчитанного на двух крылатых тигров, симметрично расположенных по обе стороны от нее. Где голова также представлена объемно, а туловища животных — барельефно. Серия изображений, выполненных комбинированной техникой, сочетающей барельеф и скульптуру, имеет место в материалах курганов 10 и 11 могильника Берел — в Казахском Алтае¹⁹.

Характеризуя одиночные изображения, отметим еще два предмета — это объемная фигурка козерога на навершии (рис. 1, 2) и плоскостное изображение кабана, происходящие из случайных находок, выявленных близ Каркаралинска²⁰ (рис. 1, 5). М. К. Кадырбаев отмечал, что для более ранних периодов тасмолинской культуры «наиболее типичен изолированный образ животного, стоящего в спокойной позе»²¹.

Изображение кабана, насколько позволяет судить рисунок в публикации, видимо, выполнено из фольги. Техника исполнения из фольги представлена двумя

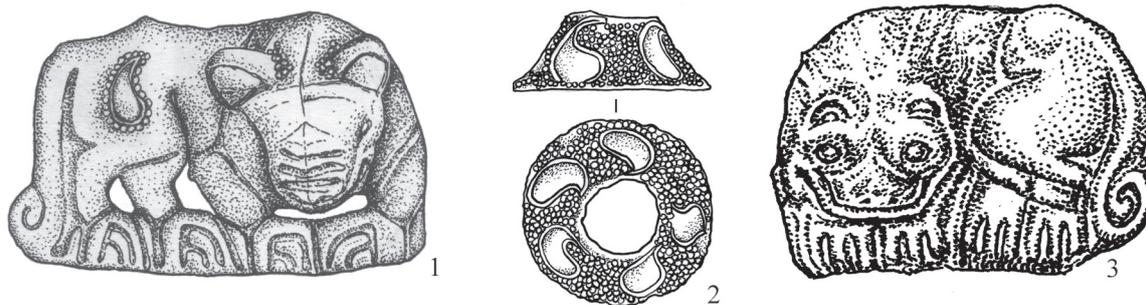

Рис. 2. Изображения кошачьих хищников и ворворка. 1 — Филипповка-1, курган 4 (по: Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье... Т. 2. Рис. 83, 3); 2 — Талды-2, курган 5; 3 — Кичигино I, курган 5 (по: Таиров А.Д., Боталов С.Г., 2010, рис. 4, 3)

категориями — это ажурные изображения и контурные. Изделия, изготовленные из фольги, и не содержащие отверстий для крепления, видимо, использовались как аппликации на декорируемой поверхности. Обращает на себя внимание качество фольги из раннесакских памятников. Она по сравнению с материалом из более поздних памятников ощутима на вес, скорее это тонкий лист, нежели невесомая фольга. К числу ажурно исполненных предметов можно отнести изображение кошачьего хищника из Карашоки (рис. 1, 4), находки с мотивом в виде «сложного завитка» из Шерубая. Определенная степень ажурности присутствует в оформлении роскошного ветвистого рога на аппликации в виде головы оленя (рис. 3, 2). К числу контурных отнесены изображения животных, вырезанные из тонкого листа. Это — изображение вышеназванного кабана из Каркаралинска (рис. 1, 5), фигурки животных с неопределимой видовой принадлежностью из Талды-2²².

Возвращаясь к изображению головы оленя с ветвистым рогом, заметим, что подобным образом трактованный образ животного происходит из материалов кургана Аржан-2 в Тыве²³ (рис. 3, 1), где им была декорирована поверхность колчана. Заметим, что «оленьими» бляшками была покрыта поверхность колчана из кургана 5 в Шиликты²⁴. Кроме того, серия изображений в виде головы или протомы оленя, происходящей из разных комплексов Евразии, приводится в исследовании Е.Ф. Корольковой²⁵, среди которых привлекает внимание ажурное изображение ветвистого рога из Филипповки²⁶ (рис. 3, 3). Относительно произведений художественной культуры из Филипповки высказано мнение Е.В. Переводчиковой и А.Д. Таирова о том, что здесь выявляется две изобразительные традиции — предшествующая и принесенная с юго-востока²⁷.

Рассмотрим предметы с изображением двух животных. Так, совершенно одинаково декорировано зеркало и бляшка из кургана 10 могильника Карамурун I. Здесь мы наблюдаем композицию, образованную из двух протом противопоставленных таутеке. Следующий предмет с изображениями двух зверей — это пряжка, содержащая сцену терзания кошачьим хищником верблюда. Заметим, что предметов со сценами терзания в искусстве Тасмолы весьма ограниченное количество.

Изображения **трех** животных представлены на таких предметах, как зеркало, украшенное композицией из кабана, травоядного и контура неза-

вершенного зверя (Жыланды, курган 1); бляшка, выполненная в виде протом двух обращенных друг к другу козорогов, между которыми расположена птица с распростертыми крыльями (рис. 1, 6) (Талды-2, курган 2); ворворка, содержащая декор в виде трех, шествующих друг за другом, кошачьих хищников (Талды-2, курган 5).

Предметы, содержащие на поверхности декор из **четырёх** животных, представлены одинаковыми обоймами со штампованными изображениями четырех стоящих кошачьих хищников, происходящих из двух памятников Сарыарки — Талды-2 (курган 5) и Акбеит (курган 1). Четыре зверя представлены на бляхе, происходящей из случайных находок Павлодарского Прииртышья, где запечатлен сюжет терзания тремя кошачьими хищниками сайги. Здесь же присутствует знак в виде копыта, который косвенно может обозначать еще одно животное. Анализ изображений кошачьих хищников из Павлодарского Прииртышья указывает на удивительное сходство в трактовке образов с экземплярами из Талды-2 и Акбеита. Кроме того, серия аналогичным способом выполненных персонажей фиксируется в материалах синхронных памятников Тагискена и Аржана-2.

Поскольку в данной работе рассматриваются только изображения зверей, а образ птицы пока остался за рамками данного исследования, все же хотелось бы остановиться на одном предмете из кургана 2 могильника Нурманбета I. Это накладка с декором в виде **пяти** орлов, среди которых центральная фигура показана целой, а на концах изделия расположено по паре двоянных голов хищных птиц. Отметим, что аналогии изображению упомянутой выше целой фигуре обнаруживаются, как на предметах мелкой пластики: Талды-2, курган 2, Шиликты, курганы 5 и Байгетобе²⁸, так и в произведениях монументального искусства — на скальных поверхностях местонахождения Ешкиолмес в Юго-Восточном Казахстане²⁹.

Предметов с декором, содержащим изображение шести животных, пока не выявлено, но в материалах из Центрального Казахстана присутствует фрагмент бляшки, заслуживающий специального рассмотрения, на котором сохранилось **семь** персонажей — шесть антропоморфов и один конь. Заметим, что это пока единственное изображение лошади в данном регионе.

Восемь животных представлены на ворворке из кургана 5 Талды-2. Вся поверхность изделия

сплошь покрыта изображениями голов сайгаков (рис. 1, 7).

Наконец, предмет содержащий декор из **девяти** животных, это поясная пряжка из кургана 3 могильника Тасмола 5³⁰. На поверхность изделия вписано множество животных и только одна фигура представлена целым изображением зверя, когда все остальные только в виде голов, в числе последних присутствуют и стилизованные. Большую часть предмета занимает фигура стоящего клыкастого вепря с мощным загривком. В свободное пространство над мордой кабана вписано изображение головы единственного на этом изделии хищного зверя (волка?). Причем головы животных как бы уравновешивают композицию, а организация этих двух компонентов невольно напоминает принцип «иньянь», поскольку линия морд животных оказывается параллельной друг другу, а головы, соответственно, обращены в противоположные стороны. Далее, в пространстве под шеей кабана, проработано изображение головы оленя, определяемое по характерному переднему надглазничному отростку. В ногах кабана расположены головы еще трех рогатых зверей: таутеке, архара и сайги. Различия в манере исполнения рогов позволяет предположить вид животного: рог с полукружиями характерен таутеке; ровный рог присутствует в ряде раннесакских изображений архаров, хотя, чаще всего, на поверхность рога наносятся прорисовывания, раппортом из трех бороздок, как например, в резьбе по дереву в памятниках пазырыкской культуры; рог антилопы обращен прямо вверх и содержит изображения бугорков, кроме того, это животное узнаваемо по характерной горбоносости. Изображения еще трех животных представлено в виде голов трех стилизованных орлов. Абрис этих птиц четко распознается на обороте пряжки — одна в центральной части и две по краям, обращенные клювами к ней. Мощный, крючковидно загнутый клюв центрального изображения орла, возможно, выполняет функциональную нагрузку в виде застежки. Остается лишь предполагать какая композиция образовывалась в целом при застегивании пряжек. Хотя на этот счет есть мнение П. И. Шульги, который считает, что пряжка застегивалась при помощи петли, в которую продевался крючок³¹.

Краткий экскурс по изобразительным памятникам Центрального Казахстана наталкивает на вопрос: Кем же были создатели искусства древней Сарыарки? Анализ состава изделий из Талды-2, проводившийся в Институте минералогии УрО РАН указывает на автохтонное происхождение металла³². В искусстве древних кочевников Сарыарки нашли воплощение образы зверей, при помощи которых отражалось мироощущение той далекой эпохи. Кроме того, предметы мелкой пластики свидетельствуют о существовании контактов населения на обширной территории и маркируют векторы связей, имевших место в степях Евразии I тыс. до н. э.

Дальнейшие сравнительные исследования искусства ранних кочевников Сарыарки в единстве с особенностями погребального обряда и сопроводительным предметным комплексом позволяют подойти к решению вопроса о генезисе как тасмолинской культуры, так и раннесакской в целом. Несомненно, взаимовлияние раннекочевнических культур Тывы, Центрального и Восточного Казахстана, Приаралья, Жетысу.

В научной литературе встречаются различные точки зрения относительно направления миграции раннесакских племен: с территории Тывы и Восточного Казахстана на запад в конце VII — первой половине VI в. до н. э.; из Северного и Северо-Западного Китая и Монголии на территорию современной Тывы, в Минусинскую котловину, Алтай, через Казахстан в степи Южного Зауралья³³. Видимо, остаются еще ненайденными находки, которые бы заполнили недостающие звенья в пути миграции раннекочевнических племен по степному «коридору» в VII—VI вв. до н. э.

Примечания

1. Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев А. М., Оразбаев А. М. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата : Наука, 1966. — 435 с.
2. Бейсенов А. З. Сарыарка — колыбель степной цивилизации. — Алматы, 2011. — 31 с.
3. Бейсенов А. З. Указ. соч.; Бейсенов А. З. Работы на могильнике Нуркен-2 // Историко-культурное наследие Сарыарки. — Караганда, 2007. — С. 173—197; Бейсенов А. З. К изучению особенностей крупных курганов раннего железного века Центрального Казахстана // Кадырбаевские чтения — 2010 : матер. II междунар.

Рис. 3. Изображение головы оленя в искусстве Сарыарки, Южного Урала и Тывы. 1 — курган Аржан-2 (по: Чугунов К. В., 2011, рис. 6, 5); 2 — Талды-2, курган 5; 3 — Филипповка-1, курган 1 (по: Королькова Е. Ф., 2006, табл. 6, 2)

научн. конф. — Актобе, 2010. — С. 77—79; Бейсенов А. З. Талды-2 и памятники раннесакского времени степной Евразии // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. круглого стола, посв. 20-летию независимости Республики Казахстан. — Караганды, 2011. — С. 14—20; Варфоломеев В. В. Тасмолинское погребение с наборным поясом из могильника Тегисжол // Вопросы археологии Казахстана. — Алматы, 2011. — Вып. 3. — С. 315—324.

4. Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры // А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата: Наука, 1966. — С. 303—433; Кадырбаев М. К. Могильник Жиланды на реке Нуре // В глубь веков. — Алма-Ата: Наука, 1974. — С. 25—45; Бейсенов А. З. Сарыарка...; Варфоломеев В. В. Указ. соч.; Археологические коллекции Павлодарского историко-краеведческого музея. — Павлодар: ЭКО, 2006; Арсланова Ф. Х. Интересная находка из Прииртышья // Вестник Академии наук КазССР. — 1963. — № 10. — С. 100—101.

5. Кадырбаев М. К. Указ. соч. — Рис. 66, 79.

6. Там же. — С. 325, рис. 18.

7. Там же. — С. 342, рис. 35.

8. Там же. — С. 398, рис. 63.

9. Там же. — С. 398.

10. Артамонов М. И. Сокровища саков. — М.: Искусство, 1973. — С. 25, рис. 20.

11. Таиров А. Д., Боталов С. Г. Погребение сакского времени могильника Кичигино I в Южном Зауралье // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. — М.: ТАУС, 2010. — С. 64, рис. 4, 3—5.

12. Яблонский Л. Т. Коллекция из Филипповского могильника (раскопки 2004—2007 гг.) // Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов). — Оренбург: Димур, 2008. — С. 44, рис. 13; Каталог предметов из курганов I Филипповского могильника из фондов Оренбургского областного историко-краеведческого музея // Сокровища сарматских вождей (Материалы раскопок Филипповских курганов). — Оренбург: Димур, 2008. — С. 82, № 3; с. 93, № 20—21.

13. Бейсенов А. З. Сарыарка... — С. 4.

14. Каталог... — С. 113, № 73.

15. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. — М.; Л.: АН СССР, 1960. — Рис. 148, и.

16. Артамонов М. И. Указ. соч. — С. 16.

17. Там же. — С. 177, рис. 227.

18. Руденко С. И. Указ. соч. — Рис. 148, м.

19. Самашев З. Берел. — Алматы: Таймас, 2011. — Рис. 23, 33, 44, 45.

20. Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. — 1956. — Вып. 61. — Рис. 4, 6; Кадырбаев М. К. Указ. соч. — Рис. 66, 76, 78.

21. Кадырбаев М. К. Указ. соч. — С. 402.

22. Бейсенов А. З. Сарыарка... — С. 12.

23. Чугунов К. В. Искусство Аржана-2: стилистика, композиция, иконография, орнаментальные мотивы // Европейская Сарматия. — СПб.: Нестор-История, 2011. — Рис. 5, 5.

24. Черников С. С. Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». — М.: Наука, 1965. — Табл. VIII.

25. Королькова Е. Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (7—4 вв. до н. э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. — С. 175, табл. 6.

26. Там же. — Табл. 6, 2.

27. Переводчикова Е. В., Таиров А. Д. Звериный стиль Филипповского кургана I в контексте искусства кочевников Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. научн. тр. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. — С. 94.

28. Черников С. С. Указ. соч.; Толеубаев А. Итоги исследований памятников раннего железного века Тарбагатай и Жетысуского Алатау // Свидетели тысячелетий: археологическая наука Казахстана за 20 лет (1991—2011): сб. научн. статей. — Алматы, 2011. — См. вклейку.

29. Марьяшев А. Н., Рогожинский А. Е. Наскальные изображения в горах Ешкиольмес. — Алма-Ата: Гылым, 1991. — Рис. 36, 37.

30. Кадырбаев М. К. Указ. соч. — С. 397, рис. 62.

31. Шулъга П. И. снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. — Ч. I: Раннескифское время. — Барнаул: Азбука, 2008. — Рис. 82, 4.

32. Бейсенов А. З., Таиров А. Д., Зайков В. В., Блинов И. А. Состав золотых изделий из могильника Талды-2 (Центральный Казахстан) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: тез. докл. круглого стола, посвященного 20-летию независимости Республики Казахстан и 20-летию Института археологии им. А. Х. Маргулана. — Караганды, 2011. — С. 25.

33. Таиров А. Д. Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII—VI вв. до н. э. — Челябинск, 2007. — С. 62; Полидович Ю. Б. Находки в тувинском кургане Аржан-2 и звериный стиль Северного Причерноморья: поиск соответствий // Древние культуры Евразии: матер. междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения А. Н. Бернштама. — СПб., 2010. — С. 217—224.

Поступила в редакцию 1 июня 2013 г.

БЕЙСЕНОВ Арман Зияденович, кандидат исторических наук, заведующий отделом первобытной археологии, Институт археологии им. А. Х. Маргулана (Алматы, Казахстан). Научные интересы: ранний железный век степей Евразии. E-mail: azbeisenov@mail.ru

BEISENOV Arman Ziyadenovich, candidate of historical sciences, head of the Prehistoric archaeology department, Institute of Archaeology aft. A. Kh. Margulan (Almaty, Kazakhstan). Scientific interests: early iron age of Eurasian steppes. E-mail: azbeisenov@mail.ru

БАЗАРБАЕВА Галия Аппазовна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А. Х. Маргулана (Алматы, Казахстан). Научные интересы: искусство древних кочевников степей Евразии. E-mail: Galiya_2002@mail.ru

BAZARBAYEVA Galiya Appazovna, candidate of historical sciences, leading researcher, Institute of Archaeology aft. A. Kh. Margulan. Scientific interests: art of the ancient nomads of Eurasian steppes. E-mail: Galiya_2002@mail.ru